

Кузьмин Александр
(главный архитектор, Москва)

6.10.03.

Александр Кузьмин: мы не можем строить город для специалистов

памятники архитектура

Коммерсант - 2003. - 6 окт. - с. 21

Сегодня — Всемирный день архитектуры. Обозреватель „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН побеседовал с главным архитектором Москвы АЛЕКСАНДРОМ КУЗЬМИНЫМ о том, как и почему сейчас строят и ломают в российской столице.

— Прежде всего я хотел спросить вас о сносах. Такое ощущение, что у нас в этом деле новый этап. Раньше потихоньку сносили незаметные памятники, теперь громко сносят самые заметные. Нас только, что даже министр культуры РФ заговорил об «актах государственного вандализма»...

— Сегодня у нас около тысячи адресов так называемых вновь выявленных памятников. По процедуре выявляют их одни, а охранять, то есть брать за них ответственность, должны другие. К примеру, все любят конструктивизм. Те, кто не любят конструктивизм, говорят, что любят, потому что не любить его у нас неприлично. У нас есть клубы конструктивизма, они — памятники. А еще есть жилые кварталы конструктивизма. По Москве их около двадцати. Все уже выявлены. Что с ними делать? Там живут люди, условия барачные, на голову кирпичи падают. Реконструировать нельзя — памятники. Это серьезная проблема, я предупреждаю, она встанет в самое ближайшее время. И я уже жду статей о том, как мы уничтожаем наследие конструктивизма, — при том, что люди живут в аварийном жилье.

У нас нет возможности финансировать реставрацию еще одной тысячи памятников. Это все понимают, и здесь главная проблема. Если вы не можете реально охранять тысячу памятников — значит, вы можете не охранять ни один из этой тысячи. Тогда очень легко поступать так, как с «Военторгом». Поэтому я сейчас поставил задачу — заново проанализировать все эти списки. И

СЕРГЕЙ МАКОВ

выяснить, что мы все-таки в состоянии охранять. В этом плане — действительно новый этап.

— Да, количество вновь выявленных памятников дает возможность их не охранять, потому что охранять невозможно. Но попытка пересмотреть списки — в условиях противостояния между Минкультом и Москвой как раз по этой проблеме — обречена на провал.

— Я хочу проделать профессиональную подготовительную работу. Но пригласить в ней участвовать и федералов. Чтобы этот список прошел и через методсовет Минкульта. Это надо все сделать на уровне профессионалов. Спорить, ругаться, принимать решения. Но не привлекать сейчас на этом этапе политику и не дожидаться, когда это будет новый «Военторг».

— Давайте вернемся к «Военторгу».

— Повторю, неопределенность статуса «Военторга» привела к тому, что произошло. Если это памятник, то я, как главный архитектор города, должен предпринимать какие-то шаги по охране. Если это вновь выявленный памятник, тогда органы охраны должны предпринимать какие-то шаги по тому, чтобы проявить его статус. «Военторг» у нас был «давно вновь выявленным па-

мятником». Что-то вроде вечного кандидата в партию. Если есть памятник — есть предмет охраны. А в недошедшем в оборот памятнике он неясен.

Мы, когда стали разбираться, обнаружили: знаменитый интерьер «Военторга» с лестницей, по которой все плачут, полностью переделан в 1932 году. Знаменитые рыцари на фасаде — 1985 года отливки. И так далее. Подлинны — стены, не декор, а конструкции, но тут проблема. «Военторг» стоит на ленточном фундаменте глубиной 80 см. Теперь так строят двухэтажные дачи. Есть здания, по технологии рассчитанные на неопределенный срок, — как кремлевские стены. А есть, наоборот, со сроком годности — как наши пятиэтажки. «Военторг» строился так, что 100 лет для него — предел.

Сейчас мы заново рассматриваем весь проект реконструкции. И задание включает в себя а) сохранение объемно-пространственного решения в соответствии с требованиями охранных зон Кремля, б) максимальное приближение внешнего облика к историческому, в) обязательное сохранение функции, г) восстановление интерьера центрального зала. Охранные требования к памятнику требуют еще сохранения конструкций, их мы не сможем выполнить. Я считаю, сегодня охранные мероприятия по «Военторгу» могут быть выполнены на чужбине с плюсом при условии, что такой проект будет принят.

Я, как главный архитектор города признаю свою вину в том, что все это не было представлено общественности раньше. Я этим не занимался, у нас так много тех, кто этим занимается, что я позволил себе быть в стороне. Это ошибка, надо было привлечь административный ресурс и вмешаться в проект. Если бы мы сразу показали общественности развертки стен с 90% советским новоделом, представили бы анализ фундаментов, открыто обсудили

бы, что делать, не было бы ни общественного скандала, ни телеграмм от министра президенту.

— По сути, главное нарушение в том, что снос осуществлен до утверждения проекта. Гостиницей «Москва» — тоже самое, проекта никто не видел, а снос уже идет.

— Сейчас разбор здания «Москвы» не производится — снимаются ценные элементы интерьера, все это передается в Музей архитектуры, но само здание никто не трогает. Должен быть утвержден проект. Причем этот проект должен быть достаточно пластичен, так, чтобы разные, скажем, собственники могли по-разному менять под себя инфраструктуру, планировку номеров. Но при этом должны быть какие-то константы, которые не меняются. Вестибюль, ресторан, общественные помещения. И они должны быть воссозданы в первоначальном виде.

— Но это нереально. Есть строительные технологии сталинского времени, есть сегодняшние. Там — дармовой ручной труд. Сегодня расценки на интерьерные работы другие. Качественно сделанная коринфская капитель стоит больше тысячи долларов, а там этих капителей — сотни. То, как будет «воссоздана» гостиница «Москва» сегодня, — в лучшем случае уровень турецкого отеля в классическом духе.

— Мы будем добиваться того, чтобы это было сделано качественно. Я докладывал всю идеологию проекта Юрию Михайловичу Лужкову, и он сказал: «Только так, я так и хотел». И еще раз повторяю, ни одного кирпича не должно быть убрано до той поры, пока проект не будет полностью утвержден.

— А нельзя по-другому? Хорошо, общество согласилось с тем, что гостиница «Москва» сносится. И, возможно, согласилось бы со сносом «Военторга», если бы были соблюдены процедуры. Давайте сносить.

Но не возводить на том же месте фальшак, а делать новую архитектуру. Объявлять международный конкурс и строить современное здание. По крайней мере, оно будет подлинным. Может быть, если уйти от практики новоделов, и сносить будут аккуратнее? А уж если сносить, то давать дорогу современным архитекторам?

— Не могу согласиться. Гостиница «Москва» относится к числу зданий, определяющих облик города. Если на ее месте возникнет другое здание — это будет другой город. Фальшивка заметна специалисту, подмена города заметна всем. Мы не можем строить город для специалистов. Я согласен с тем, что надо давать место для сегодняшней архитектуры, но не на таких местах. Я думаю, могут быть вкрапления новой архитектуры в тех местах, которые еще не сложились в городе. Сейчас очень интересные предложения ван Эгераата по площадке у ЦДХ. Есть интересные проекты по площади Белорусского вокзала, по Ходынке. Но не надо вставлять новую архитектуру туда, где все уже и так прекрасно сложилось.

— О новой архитектуре. Вот у нас прошло десять лет строительного бума. И при том, что сделано очень много, мирового уровня архитектуры у нас не появилось. Ни своих звезд не вырастили, ни западных не привлекли.

— Город в большом, градостроительном масштабе определяют не звезды. Его определяет средний уровень архитекторов. Так что задача стоит именно в повышении среднего уровня. И я считаю, что за десять лет эта задача выполнена. Раньше нашу московскую архитектуру ругали за провинциальные башенки и аляповатый декор, а теперь — за то, что у нас рядовая европейская архитектура, которой там никто и не замечает. Почувствуйте разницу.

Относительно наших звезд. Да, у нас были архитекторы-«бумажники», которые в 80-е могли

претендовать на европейскую известность, а в 90-е — фактически отстранены от работы. Но это исправляется. Илья Уткин достроил дом в Денежном переулке. Михаил Филиппов строит сейчас квартал, и я его максимально поддерживаю. Я попросил все наши службы в эстетике не лезть, дать Филиппову зеленый свет. Михаил Белов — несколько проектов, я также пытаюсь его поддерживать. Михаил Хазанов, тот уже ни в какой поддержке и не нуждается. И я не думаю, что нашими звездами могут быть только «бумажники». Владимир Плуткин, Сергей Скуратов — на мой взгляд, они сегодня работают интереснее всего.

Относительно их звезд. Я в этом году встречался с Норманом Фостером и потом с Ричардом Роджерсом: нет у них планов строить в России. Кто-то хочет. Сейчас с «Капитал Групп» работает Эрик ван Эгераат, будет проект. Только что у меня был Доминик Перро (победитель конкурса на Мариинку — „Ъ“). У меня к конкурсному Мариинке сложное отношение... Но в принципе с Перро можно сделать проект. А так... Мне кажется, мы себя очень переоцениваем. Создаем впечатление, что они все к нам рвутся, а их не пускают. Это не так. И потом, много ли звездных построек в старых европейских городах? Особенно в центре? В Париже, в Риме?

— Смотря где. В Базеле, например. По нашим понятиям, город совсем маленький, а там около сорока таких построек. Они специально коллекционируют звездные работы. Заказывают маленькие здания, но мировым знаменитостям. И сегодня это уже топовая коллекция: и Фрэнк Гери, и Заха Хадид, и Херцог с Де Мероном, и Марио Бота и т. д.

— Ну да, коллекционирование. Что-то в этом есть. Не большие стройки, тут с иностранцами всегда проблемы, а именно как в Базеле. Можно попробовать. Пожалуй, завтра же и начнем.